

ФРОНТИРНАЯ ТЕОРИЯ: НОВЫЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ

А.П. Романова, дир. гуманитарного института Астраханского государственного университета, д-р философ. наук, проф.

С.Н. Якушенков, зав. кафедрой истории зарубежных стран Астраханского государственного университета, д-р истор. наук, проф.

Предпринята попытка продолжить развитие теории фронта применительно к пограничным районам Юга России с учетом новых методологических посылок. Выделение во фронтальной истории особых этапов позволяет не только оценить историческое своеобразие российской истории, но и прогнозировать региональное развитие на территориях, которые могут быть отнесены к фронтальным.

Ключевые слова: фронт, ранний фронт, постфронт, социально-экономическое развитие, Нижняя Волга, Северный Кавказ.

Категориальный анализ. Современное развитие гуманитарной науки требует от ученых поиска новых методов и новых подходов к осмыслению различных моментов человеческой истории, прежде всего истории отечественной. Этот поиск может сопровождаться как использованием уже апробированных теорий, применявшихся ранее к другим событийным феноменам, так и попытками обнаружить новые подходы, позволяющие взглянуть на уже изученные факты с новых методологических посылок. Философия истории, учитывающая всю сложность человеческого бытия, не сводимого лишь к экономическим или социальным процессам, дает нам возможность еще глубже проникнуть в суть многих исторических процессов.

Попробуем рассмотреть, как имеющуюся фронтальную теорию, родившуюся в рамках американской исторической мысли, можно использовать для анализа не только исторического процесса освоения новых земель русским государством, но и экстраполировать ее на самые различные моменты современного культурного диалога, как в нашей стране, так и за его пределами.

Само по себе английское слово *фронт* произошло от французского *frontiere* и означало границу между двумя странами. Во Франции оно окончательно оформилось в смысловом плане лишь в XV в., так как первоначально употреблялось в значении «фронт» (линия боевых действий). Это неудивительно, так как именно в этот период в Европе происходит активное формирование новых границ не только с европейскими странами, но и неевропейскими, особенно со странами Востока. По мнению английского политолога Дж. Блэка, в более ранний период четких границ между европейскими странами не имелось, так как никакой демаркации не проводилось. Еще меньше внимания европейцы обращали на права местного населения на территорию во вновь открытых землях [13]. Поэтому очень часто понятия границы и линии фронта полностью совпадали.

Параллельно с понятием фронта, т. е. границы (англ. *borderland, boundary*), в европейских языках существовал и другой термин для обозначения пограничной территории — *марш* или *марка* (англ. *March*), т. е. «метка, знак», отсюда понятие демаркация — проведение границы между странами или территориями. Весьма примечательно, что слова и *фронт*, и *марш* помимо собственно юридических норм обозначали еще и понятия, связанные с военным делом. Этимологически слово *марка* во многих индоевропейских языках имело коннотацию не только границы, но и чего-то асоциального, маргинального, находящегося на грани нормы.

Эта территория управлялась маркизом, который в силу своего пограничного состояния, как правило, обращал мало внимания на власть короля. Именно такое понимание могуще-

ства маркиза по отношению к власти и могуществу короля нашло свое отражение в известной сказке Шарля Перро «Кот в сапогах», появившейся в конце 17 в. Хотя пограничная территория и имела чаще всего статус графства, однако именно маркиз, но не граф, управлял ею. И лишь в немецких землях он назывался *маркграфом*, т. е. графом пограничного графства, хотя его статус был намного выше графского. Он скорее был герцогом, чем графом.

И хотя постепенно термин *фронтир* вытеснил термин *марш*, именно асоциальный характер пограничья продолжал превалировать в определении этой пограничной территории.

По мнению американского ученого А. Рибера, ряд черт фронтальной идеологии можно проследить, начиная с Геродота и некоторых древнекитайских авторов [5]. С ним сложно не согласиться, учитывая ранние представления греков об ойкумене, т. е. мире, населенном греками, которому противостоят варвары, живущие в остальной части мира. В китайских геополитических интерпретациях своего государства (Поднебесной) как центра мира — Чжунго (кит. «срединное царство»), окруженного варварами, мы находим ту же самую традицию.

Не можем мы обойти вниманием еще один термин для обозначения границы или фронта, восходящий еще к древнеримской традиции, — это *лимес* (лат. *limes* — предел, граница, но *limen* — ворота, порог и дом, обитаемое место, а также граница, предел). В действительности римский лимес представлял собой полосу укрепленных фортов с небольшими отрядами для защиты внутренней территории страны от проникновения варваров. Известны следующие лимесы — Нижнегерманский, Верхнегерманско-ретийский, Веттерауский, Неккар-Оденвальдский, Альбский, Лаутертальский, Дунай-Иллер-Рейнский, Дунайский, Арабский, Триполитанский и мн. др. Как мы видим, в основу лимеса была положена идея линии фортов, т. е. военных поселений — гарнизонов, реже фортификационных валов, как, например, Вал Адриана в Британии или Вал Трояна в континентальной Европе.

Современное значение термина *фронтир* унаследовало все эти аспекты. До сих пор под фронтиром понимают различные явления, объединенные, правда, значением границы:

- 1) фронтир — территория между двумя государствами;
- 2) фронтир — территория между заселенными и незаселенными пространствами [23, 24];
- 3) фронтир — передовая часть чего-то, некий авангард [14, 17, 23].

Если первое определение проистекает из политологических наук, то второе в большей степени отражает традицию географическую. Первое определение можно назвать эгалитарным, так как оно постулирует несколько равных субъектов права, второе определение — дисбалансным, так как исходит из неравенства между территориями по обе стороны границы (заселенная/незаселенная цивилизация/варварство и т. д.). Его также можно назвать цивилизационным. Именно в рамках такого подхода к определению *фронтир* «демаркация» проходит по оппозиции цивилизация /дикость (варварство).

Третье определение является символическим. В нем важнее абстрактное значение как некой передовой линии или границы.

Этот акцент на передовой характер фронта (пространственный, темпоральный, эпистемологический и т. д.) проистекает из исторически сложившегося одностороннего взгляда на данное явление. В своей статье мы попытаемся показать, что фронтир как особая форма межкультурного диалога и особая стадия человеческого развития является еще и своеобразным индикатором более сложных явлений развития общества, человеческой мысли и когнитивных процессов.

От классической теории к новой методологии фронта. Как мы видим, слово *фронтир* имеет давнюю историю, однако о нем, как об особом термине и феномене, впервые заговорил Фредерик Дж. Тернер (1861–1932), преподаватель истории университета в Висконсине. Хотя в данный период законодателями в американской исторической науке были ученые Новой Англии, не случайно с новаторской идеей выступил житель Висконсина, штата, территория которого еще совсем недавно являлась фронтиром. Для него это явление было настолько осязаемым и актуальным, что он одним из первых пришел к необходимости его формализации.

На встрече Американской исторической ассоциации в 1893 г. он выступил с докладом под названием «Значение Фронтiera в американской истории» [26]. По мнению Тернера, невозможно понять американскую историю, не учитывая при этом территориальную, географическую, культурную и социологическую характеристики, являющиеся уникальными для американского континента. В своем осмыслении американской истории он приходит к выводу, что европейское наследие сказалось лишь на начальных этапах складывания американского общества, а собственно национальные корни следует искать в истории освоения Дикого Запада (Old West, Old Northwest).

Тернер считал, что именно наличие Дикого Запада и стремление колонистов постоянно осваивать новые территории повлияло на формирование американской ментальности, именно тогда зарождаются так называемая американская мечта, дух свободы, мобильность, авантюризм.

Важность изучения этой проблемы проистекала из ряда факторов. По мнению Тернера, фронтier в значительной степени рассматривался как череда военных столкновений, а его экономическая и социальная составляющие в расчет не брались [27, 3]. Вне сомнения, Тернера можно считать первым ученым, кто обозначил проблему фронтiera с точки зрения онтологии и аксиологии данной проблемы.

В то же время очень странно, что американские ученые так поздно осознали всю значимость феномена фронтiera для американской истории. Американские политики высказались по этому вопросу гораздо раньше, обосновав право для американцев захвата новых земель на континенте еще в 1845 г. в так называемом «Манифесте судьбы» (Manifest Destiny) или как иногда его еще называют в доктрине «Явного предначертания», согласно которой американский народ получал право на завоевание новых земель.

Первым, кто высказал эту идею, был журналист, демократ Джон О'Сулливан, который еще в 1839 г., задолго до появления собственно самого «Манифеста», предвосхитил основные положения этой доктрины в своем политическом памфлете «Великая нация будущего» [20]. Несколько лет спустя в другой редакторской статье журнала «Демократическое обозрение» под названием «Аннексия», в которой оправдывалась аннексия США территории Техаса, уже появляется и сам термин Manifest Destiny [21]. В этой статье О'Сулливан попытался доказать, почему Америка имеет право на завоевание новых земель и почему ей уготовано светлое будущее. Заявляя, что самой судьбой Америке уготовано стать великой страной, автор пытался подчеркнуть, что США являются образчиком свободной страны, построенной на принципах равенства и прогресса, что отличает ее от европейских государств, находящихся под властью тирании, олигархии и т. д. Анализируя начавшуюся колонизацию новых земель, автор восклицал, что огромная армия англосаксонской миграции, вооруженная плугом и винтовкой, уже не может быть остановлена. Ее путь отмечен новыми школами, колледжами, домами собраний, мельницами и т. д. Их основным стремлением является независимость и прогресс. И никто не может их остановить [9, 21].

Позднее эта доктрина «Явного предначертания» еще много раз была использована американскими политиками для оправдания своей деятельности, как на Американском континенте, так и далеко за его пределами. К ее помощи прибегали А. Линкольн, В. Вильсон и Дж. Буш.

Помимо собственно американской истории термин Manifest Destiny активно употреблялся, например, по отношению к индийским территориям еще практически с первой половины XIX в. [15, 22]. Современная западная литература, посвященная истории Индии или Афганистана, продолжает активно его использовать [16, 19, 25].

Но, несмотря на это, американская наука до Ф.Дж. Тернера не смогла в полной мере осознать всю важность феномена фронтiera. Правда, после него она в полной мере сконцентрировалась на этой проблеме, развивая как линию Тернера, так и пытаясь найти новые подходы к ее изучению.

Учитывая тот факт, что во второй половине XX в. в западной науке, помимо традиционных европоцентристских ученых, все чаще начинают заявлять о себе и ученые из третьих

стран или представители этнических меньшинств, происходит пересмотр старых догм относительно однозначных оценок фронта. Как индейские ученые, так и некоторые белые ученые начинают заявлять, что колонизация Дикого Запада имела пагубные последствия для автохтонного населения. Чаще всего попытки доказать негативные последствия фронтальной динамики делались в рамках так называемой постколониальной теории, предусматривающей разнополярные взгляды на тот или иной аспект колониальной истории, анализирующей историческое событие с точки зрения колониальных народов.

В результате традиционный взгляд на фронт как на столкновение цивилизации и дикости был подвергнут серьезному пересмотру. В рамках новой постколониальной научной парадигмы традиционный подход уже не может считаться продуктивным. Вместе с тем, подвергая пересмотру вопрос аксиологии фронта, приверженцы постколониальной теории не далеко ушли от понимания фронта, ведь сам феномен фронта как бы так и оставался за рамками их внимания. Им важно было лишь ответить: правы ли были западные ученые, говорившие о положительных тенденциях колонизации. Естественно их ответ был – нет! Фронт, с их точки зрения, был негативным явлением, так как нес гибель и разрушение их народам.

Приняв за основу западную модель фронта для изучения освоения Россией Сибири, отечественные ученые были мало озабочены анализом полярных точек зрения на процесс колонизации. Для многих из них было важнее показать саму возможность использования фронтальной теории для анализа Сибирской истории. Во многом все эти усилия сводились к выводу, что фронт в Сибири – это движение российской цивилизации на Восток. Большое внимание уделяли ученые и этапам развития самого фронта. Среди тех, кто активно применял тернеровский подход для анализа процесса колонизации Сибири, были А.Д. Агеев, Д.Я. Резун, Н.Ю. Замятина, М.В. Шиловский, В.А. Ламин, А.С. Зуев, Т.С. Мамсик, А.С. Хромых и др. [1–4, 6–9]. Очень интересно, что российские ученые не шли по пути механического переноса концепта фронта на российскую историю, а пытались сопоставить два схожих процесса (российский и американский), выделив в них общее и особенное.

Кроме истории Сибири, была сделана попытка применить фронтальную теорию и для присоединения к России Нижней Волги [10].

Вместе с тем, российские подходы мало отличались от американских первой половины XX в. Как уже говорилось, основной теоретической парадигмой этого периода был взгляд на фронт как на встречу цивилизации и дикости. Но, как легко заметить, из современного значения этого слова, фронт это не только передовая линия, некий предел государства, цивилизации, своей культуры, это еще и встреча с новым, новыми возможностями, новыми идеями, перспективами и т. д. Эти инновационные коннотации данного термина давно уже вышли за рамки первоначального смысла слова. Фронт – это уже не только фронт, предел, агон, т. е. столкновение двух полярных акторов, но еще и новый открытый мир нелимитированных возможностей, манящий и дающий надежду бурного развития и процветания.

Может быть, поэтому современный взгляд на фронт – это уже не взгляд на столкновение, битву антиномий, но глубоко заложенная идея процветания, новых ресурсов и новых перспектив развития.

Вместе с тем, как нам кажется, фронт в таком понимании хоть и проясняет многие сложные вопросы собственно традиционной истории фронта, однако в значительной мере сужает сам круг возможностей применения фронтальной теории к самым различным историческим процессам.

Хотя вопрос типологии фронтов поднимался еще Ф.Дж. Тернером, ученые так и не продвинулись по пути собственно типологии различных фронтов. Одним из наиболее типичных примеров этого может служить работа по американскому фронту Р.А. Биллингтона «Экспансия на Запад. История американского фронта» [12]. Если Тернеру был интересен сам феномен фронта, его вклад в формирование новой нации, то

Биллингтон все свое внимание сконцентрировал на типологизации фронта. В основу его классификации был положен социально-экономический подход, разделение труда и перемещение трудовых ресурсов и капитала по стране. И хотя эта идея не нова, так как отдельные попытки выделения разных этапов фронта предпринимались еще и Тернером, однако столь детальная классификация впервые появляется только у Биллингтона. Изучив 300-летний период колонизации североамериканского континента, он выделяет в нем около 20 фронтов. В основу такой классификации были положены географическое расположение фронтальной линии, хозяйственная доминанта и т. д. В результате появились такие формы фронта, как трапперский, торговый, шахтерский (старательский), скотоводческий, фермерский (земледельческий) и т. д. [12]. Правда, все перечисленные волны переселенцев упоминал еще Тернер, но для него они не являлись главными. Они — всего лишь некие людские потоки, устремленные на Запад.

Географический детерминизм Биллингтона и его преданность цивилизационной роли американцев в освоении континента видны из его следующих слов: «Англо-американский фронт — географическая область, непрерывно перемещающаяся на протяжении трех столетий от побережья Атлантического океана к побережью Тихого. Здесь располагалась внешняя граница одиночных поселений, точка встречи первобытности и цивилизации, зона, где цивилизация входит в дикость» [12, 3]. И здесь мы встречаем ту же парадигму — фронт есть встреча цивилизации и дикости.

Как нам кажется, настал момент говорить не только о разных специфических стадиях фронта, но и об особых типах фронта и фронтальных отношений. Анализ особых типов фронтальных отношений был начат О.С. Якушковой в своей кандидатской диссертации, посвященной роли женщин на фронте [11]. В ходе работы над темой ей удалось показать разные типы культурного диалога: в периоды его развития были выделены различные этапы фронтов и фронтальных отношений, в результате чего появились три разных типа фронтов, получивших названия — ранний фронт, собственно фронт и постфронт. В разные этапы доминируют разные векторы отношений и разные модели культурного диалога: торговые, матримониальные, военные, идеологические и т. д. В разные периоды участвуют и разные акторы, складываются разные культурные паттерны и модели поведения. Именно учет всех этих составляющих позволяет прогнозировать дальнейшее направление культурного диалога, делать выводы о возможных путях развития региона и т. д.

Вместе с тем, данная модель, хотя и является продуктивной, была построена на основе американского фронта, имеющего четко выраженную линейную структуру. Это означает, что американский фронт развивался однонаправленно, как в локусном, так и темпоральном планах. Он «двигался» с Востока страны на Дальний Запад, вовлекая все новые и новые территории США. В темпоральном плане американский фронт также проходил все три стадии, от раннего, или предфронта, до постфронта, ознаменовавшегося практически кардинальной сменой идеологической составляющей фронтальных отношений. Вместе с тем многочисленные фронты в разных уголках света не всегда развивались столь однозначно линейно. Нижневолжский фронт функционировал совершенно по иным законам, и его историческая модель не соответствует трехчленной структуре американского фронта. Если в истории Нижневолжского фронта и можно выделить стадии раннего фронта (с определенной натяжкой) и собственно фронта, то стадия постфронта так и не получила полной реализации в этом регионе. Кроме этого, и сам период фронта (т. е. вторая стадия) проходила в осложненных условиях многолинейного развития, в силу многократного появления в регионе новых участников фронтального культурного диалога. Для Нижней Волги характерно многократное повторение второй стадии каждый раз в новых условиях, так как это было связано с появлением в регионе новых массовых мигрантов, менявших этническую, экономическую и политическую картины в крае.

Геополитические изменения конца XX в. и появление новых миграционных компонентов на Нижней Волге также серьезным образом деформируют сложившийся характер культурно-

го диалога. Снижение удельного веса (в экономике, культуре и т. д.) русского населения в регионе приводит к появлению новых моделей отношений, что позволяет говорить о том, что для фронта возможны и иные формы существования культурного диалога. Осмелимся предположить, что в отдельных случаях на Южнорусском фронтире мы можем вычленить совершенно иные стадии фронта, отличные от классического американского или сибирского фронтиров, и говорить не о постфронтире, а о рефронтире, когда происходит отказ от сложившегося паритета культурных и экономических отношений между акторами, переход к конфронтации. Если же брать во внимание различные исторические сценарии, развивающиеся на Северном Кавказе, то здесь мы можем видеть существование сразу нескольких сценариев рефронтации. Если в Дагестане мы наблюдаем усиление конфронтационного, военного сценария культурного диалога, что несомненно свидетельствует о начале стадии рефронтации, то в Чеченской республике, в силу внутренних и внешних причин, мы можем отметить иную ситуацию позитивной переоценки русско-чеченских отношений, проистекающих не только из внешней потребности налаживания мирной жизни, но и в силу осмысления роли русской диаспоры для нормального функционирования общественной и экономической жизни республики. Дефицит культурного диалога и конфронтационные формы взаимодействия между разными этническими группами уже больше не устраивают чеченский народ. Происходит позитивное переосмысление старого опыта сосуществования, поиск новых форм мирного диалога и т. д. Все это позволяет говорить о том, что в данном регионе мы наблюдаем совершенно иную стадию фронтирных отношений, которую мы можем назвать пострефронтацией.

Перспективы неофронтальной теории. Существование иных форм фронтирных отношений, не укладывающихся в рамки классической теории фронта, позволяет нам расширить возможности применения фронтальной теории к разным сценариям исторического развития культурного диалога. Вычленяя разные стадии культурных отношений, выявляя общее и особенное в каждом конкретном случае, мы как нельзя лучше можем прогнозировать дальнейшее развитие региона, понять, какие формы диалога доминируют в тот или иной период, и в некоторой степени скорректировать их путем разумной национальной и экономической политики.

За многовековую историю существования такого феномена, как фронт, проявлявшегося в разных уголках нашей планеты и в разные периоды, он, тем не менее, проявлялся через четко выраженные модели отношений, о которых мы уже говорили ранее: обмен материальными и духовными ценностями, матримониальные связи и появление новых метисных групп населения, конфронтационные отношения, осмысление и переосмысление форм диалога — вот те маркеры, которые позволяют судить о разных стадиях фронта и делать выводы о дальнейших путях развития региона в целом.

Следует понимать, что любой культурный диалог, протекающий между разными народами и тем более цивилизациями, является весьма сложным феноменом, поэтому попытка понять его с разных новых точек зрения позволяет вскрыть новые экзистенциальные стороны этого диалога, а значит — предвидеть последствия. Фронтальная теория дает нам этот шанс.

Список литературы

1. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005.
2. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. М. 1998. № 5.
3. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: Инст-т истории СО РАН, 2001.
4. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь конца XVI — начала XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005.

5. **Рибер А.** Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Под ред. Герасимова И.В. Казань: «Центр Исследований Национализма и Империи», 2004.
6. **Хромых А.С.** К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сб. матер. III регионал. молодежн. науч. конф. Новосибирск, 2009.
7. **Хромых А.С.** Особенности внешнего фронта на юге Центральной Сибири // Мартъяновские краеведческие чтения. Вып. V. 300 лет в составе России. Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 300-летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. Минусинск, 12–14 декабря 2007 г. Красноярск: ИПК КГПУ. 2008.
8. **Хромых А.С.** Сибирский фронт в конце XVI – первой четверти XVII веков // Вторые ист. чтения Томского гос. пед. ун-та: матер. междунар. конф. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета. 2008. Ч. 1.
9. **Чернавская В.Н.** «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII века: историко-историографические очерки. Владивосток: Дальнаука. 2003.
10. **Якушенков С.Н., Якушенкова О.С.** Американский фронт и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 1 (22).
11. **Якушенкова О.С.** Роль женщины в культурном диалоге на американском фронте. Автореф. дис. канд. ист. наук. Астрахань, 2012.
12. **Billington R.A.** Westward Expansion: A History of the American Frontier. N.Y.: Macmillan, 1960.
13. **Black J.** Boundaries and Conflict: International relations in ancient régime Europe // Eurasia: World Boundaries. Ed. C. Grundy-Warr. London. 1994.
14. **Buzaneva E.V., Scharff P.** Frontiers of Multifunctional Integrated Nanosystems: Proceedings of the NATO ARW on Frontiers in Molecular-scale Science and Technology of Nanocarbon: Mathematics, Physics and Chemistry. Springer. 2004.
15. **Cotton S.** Nine years on the north-west frontier of India from 1854 to 1863. London: R. Bentley, 1868.
16. **Jeyaseela S.S.** The Indian trade at the Asian frontier. Madurai: Gyan Publishing House, 2008.
17. **Kaneda Y., Kawamura H., Sasai M.** Frontiers of Computational Science: Proceedings of the International Symposium on Frontiers of Computational Science 2005. Springer, 2007.
18. **Khodarkovsky M.** Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire. Bloomington: Indiana University Press, 2004.
19. **McLeish A.** The Frontier Peoples of India. Delhi: Mittal Publications, 1983.
20. **O'Sullivan J.** The Great Nation of Futurity // The United States Magazine and Democratic Review, Vol. VI, Num. 23, November, 1839.
21. **O'Sullivan J.** Annexation // The United States Magazine and Democratic Review, Vol. XVII, Num. 85, July and August, 1845.
22. **Pemberton R.B., Bayfield G.Th.** Report on the eastern frontier of British India: with an appendix and maps. Calcutta: Printed by order of the Supreme Government of India, 1835.
23. **Pinto J.K.** The Frontiers of Project Management Research. PMI publishing, 2002.
24. **Prescott V., Triggs G.D.** International Frontiers and Boundaries: Law, Politics and Geography. Leiden: MartinusNijhoff Publishers, 2008.
25. **Schofield V.** Afghan frontier: feuding and fighting in Central Asia. N.Y.: Tauris Parke Paperbacks, 2003.
26. **Turner F.J.** The Significance of the Frontier in American History. Readex Microprint, 1893.
27. **Turner F.J.** The frontier in American history. N.Y.: Courier Dover Publications, 1996.